

Незнакомец теснил его, пока Лу Инь не упёрся спиной в холодную стену.

— Признаю, ты чертовски хорош собой, — пробормотал он, тщетно пытаясь разогнать хмель в голове. — Но я правда тебя не знаю.

От первой половины фразы Тань Мо расплылся в довольной улыбке, но после второй его лицо мгновенно посерьёзнело. Он молча разглядывал юношу несколько секунд, а затем тихо произнёс:

— Лу Инь, ты так изменился.

Зажав виски, Лу Инь безуспешно боролся с раскалывающейся головой и толком не расслышал слов собеседника. Видя, как сильно тот мучается, Тань Мо сдался. Он не стал объяснять, кто он такой, а просто вызвался проводить его до дома.

Однако Лу Инь даже в таком состоянии оставался настороже и наотрез отказался.

Бар находился в самом центре бурлящего мегаполиса, кругом так и сновали толпы людей. Тань Мо не мог просто уйти. Не решаясь навязываться, он шёл следом, держась на безопасном расстоянии. Когда Лу Инь без сил опустился на уличную скамью, чтобы хоть немного прийти в себя, Тань Мо терпеливо ждал поодаль, скрестив руки на груди и ненавязчиво отваживая случайных прохожих, которые то и дело порывались познакомиться с одиноким юношей.

В конце концов он не выдержал и подошёл вплотную.

— Лу Инь, — Тань Мо слегка встряхнул его за плечо. — Не спи на улице.

Спустя столько лет разлуки их первая встреча началась со столь ворчливого тона. Тань Мо и сам злился на себя за эту резкость, но беспечность Лу Иня по-настоящему пугала. Не окажись он рядом — кто знает, чем могла закончиться эта пьяная прогулка по ночному городу?

От этой мысли он невольно сжал пальцы крепче. Лу Инь покачнулся. На его бледных щеках проступил хмельной румянец, а длинные ресницы мелко подрагивали под плотно сомкнутыми веками. Тань Мо залюбовался им, и злость мгновенно улетучилась, уступив место щемящей нежности. Разыгрывать сурового опекуна больше не хотелось.

Немного подумав, он потянулся к собственной шее и расстегнул замок тонкой цепочки. Это было простое серебряное украшение якорного плетения с подвеской в виде крошечной монетки — его талисмана, который он носил не снимая лет пять или шесть. Теперь он решил отдать его Лу Иню.

Серебро, ещё хранившее тепло его тела, легло на шею юноши. На фоне безупречно бледной кожи металл у ключиц заиграл благородным холодным блеском. Это выглядело удивительно

гармонично.

— С днём рождения, — едва слышно прошептал Тань Мо, коснувшись пальцем монетки. — Пусть моё везение всегда оберегает тебя.

Домой Лу Иня он всё-таки доставил.

Правда, из-за глубокого похмелья наутро тот напрочь забыл о ночном происшествии. А незнакомую вещицу просто снял и забросил в дальний угол.

Если бы Тань Мо не завёл этот разговор, Лу Инь вряд ли когда-нибудь вспомнил бы ту историю. Но сейчас в памяти всплыл смутный образ высокого мужчины в чёрном. Лу Инь поднял глаза и задумчиво оглядел Тань Мо — очертания из прошлого медленно, но верно наложились на его нынешний силуэт.

— Так это был ты? — внезапно спросил он.

Тань Мо не подтвердил, но и отрицать не стал. В глубине души ему всё ещё было чертовски неловко. Явиться к нему королём только для того, чтобы едва не угодить в участок за домогательства... О таком позоре лучше помалкивать до конца дней.

— И долго ты собирался прятаться, если бы я сам тебя не нашёл? — поинтересовался Лу Инь.

Тань Мо пожал плечами:

— Думаю, меня ненадолго бы хватило.

В глазах Лу Иня промелькнуло понимание, взгляд стал глубже. То, что казалось неразрешимой загадкой, наконец обрело смысл. Выбор экономического факультета в Цзянваньском университете определённо не был случайным капризом Тань Мо. Это был хладнокровный, долгосрочный план.

Ну и хитрец. А ведь на встрече первокурсников этот притворщик разыграл перед ним безупречный спектакль.

На следующий день Лу Инь съездил в особняк семьи Сун. Отыскав в своей старой комнате забытую серебряную цепочку, он надел её на шею. Теперь, зная, кому она принадлежит, он чувствовал, что эта скромная вещица обрела для него огромную ценность.

Тем временем Цзян Боянь, обведённый Лу Инем вокруг пальца, исходил бессильной злобой: все его попытки нанести ответный удар оборачивались тем, что он будто бил кулаками по мягкой перине. Ночью он ворочался с боку на бок, изнывая от бессонницы, и клялся себе, что

больше и пальцем не пошевелит ради Лу Иня. Однако едва рассвело, он тут же отправил своего приятеля разузнать, как у того дела.

Лу Инь так и не появился в университете, продлив больничный. Цзян Боянь весь день не находил себе места. Не желая оставаться в общежитии, он уныло поплёлся домой. Стоило ему переступить порог гостиной, как отец, Цзян Шаофэн, окликнул его по имени:

— Цзян Боянь, стоять.

Парень нехотя остановился и опустился в кресло напротив отца. Лицо Цзян Шаофэна было суровым.

— На том приёме Лу Инь облил тебя вином, — без лишних предисловий бросил он.

Цзян Боянь вздрогнул.

— Кто тебе сказал?! — вспыхнул он.

Даже в худшие времена их разборки с Лу Инем никогда не доходили до родителей. Ему было невыносимо стыдно: меньше всего на свете он хотел, чтобы Лу Инь считал его маменькиным сынком, не способным решить проблемы без отца.

Цзян Шаофэн презрительно хмыкнул:

— И давно ты научился безропотно сносить унижения? Чему я тебя учил?

Старший Цзян перевёл дух и продолжил уже мягче:

— Я слышал, этот мальчишка решил отделиться и основал собственную контору. Переманил к себе высокими зарплатами несколько толковых специалистов из других фирм. Вели кадровой службе связаться с ними в ближайшие дни.

Цзян Боянь помрачнел:

— Это наши с ним тёрки. Я сам всё улажу.

— И как же? — с иронией осведомился отец. — Опять кулаками махать полезешь? На другие методы ума хватит?

Цзян Боянь замялся. Чёткого плана у него не было, но мысль о том, что отец раздавит едва зародившийся бизнес Лу Иня, пугала его до дрожи. Лихорадочно соображая, как защитить

парня, он выпалил первое, что пришло в голову:

— Это моё дело! Зачем ты лезешь? У меня всё под контролем! Скоро мой день рождения. Я заставлю его прийти и извиниться передо мной при всех. Вас такой расклад устроит?!

Цзян Шаофэн молча отхлебнул чаю, больше не возражая.

— Но почему ты не займёшься Сун Хайнином? — с обидой добавил Цзян Боянь.

Отец удивлённо приподнял бровь:

— Мне казалось, вы с Сун Яном друзья.

Цзян Боянь был почти уверен, что именно Сун Ян слил информацию об инциденте с вином, и внутри у него всё кипело от злости.

— Скоро перестанем ими быть. Он далеко не такой белый и пушистый, каким кажется. Терпеть его больше не могу.

Он впервые открыто высказал родителям своё отвращение к Сун Яну. Цзян Шаофэн не спеша смаковал чай, о чём-то раздумывая.

— Сун Хайнин действительно стал слишком жадным, — наконец произнёс он. — Моё терпение на исходе.

— Так ты проучишь его? — с надеждой спросил сын.

— Пожалуй, пришло время преподать ему хороший урок, — прищурился Цзян Шаофэн.

Цзян Боянь довольно улыбнулся отцу. В его глазах это было изящным ходом: приструнить обнаглевших Сунов и тем самым сделать скрытое одолжение Лу Иню. Будет чем похвастаться при встрече.

На следующее утро в Цзянваньском университете у них не было занятий. Цзян Боянь в ярости примчался к корпусу искусств, подкараулил Сун Яна и на глазах у ошеломлённых студентов бесцеремонно поволок его за собой.

Сун Ян, перепуганный его грозным видом, даже не посмел пикнуть. Он послушно шёл следом, пока они не спустились в небольшое кафе на первом этаже учебного корпуса. Когда Цзян Боянь наконец отпустил его, Сун Ян жалобно всхлипнул. На его нежном запястье уже наливался багровый след.

Но Цзян Боянь эта слезливая пантомима больше не трогала.

— Ты совсем берега попутал? Решил моим родителям пожаловаться? Я смотрю, я слишком сильно тебя избаловал!

Сун Ян попытался изобразить недоумение:

— О чём ты говоришь? Я не понима...

— Заткнись, — грубо оборвал его Цзян Боянь. — Твои дешёвые трюки вышли тебе же боком. Отец в ярости. Думаю, в ближайшие дни он захочет очень серьёзно «побеседовать» с твоим родителем.

Сун Ян мгновенно побледнел как полотно.

Цзян Боянь огляделся по сторонам, и у него тоскливо заныло под ложечкой.

Аудитория экономического факультета находилась неподалёку, и Лу Инь частенько заходил сюда после лекций за своим любимым латте. Один из бариста был приятелем шестёрки Цзян Бояня. Желая выслужиться, тот как-то раз вызвался проучить «выскачку» Лу Иня.

Сам Цзян Боянь в этом не участвовал, но и мешать не стал, молча одоблив пакость: они собирались подлить Лу Иню в стакан какую-нибудь гадость. Однако потом Сун Ян как бы невзначай обмолвился, что у Лу Иня смертельная аллергия на манго. В итоге в кофе плеснули концентрированного фруктового сока.

На следующий день Лу Инь не пришёл на занятия, взяв больничный.

Тогда Цзян Боянь быстро выкинул эту историю из головы, но сейчас, вспомнив о ней, почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Словно он только что проглотил жирную зелёную муху.

Он и подумать не мог, что бывлая подлость вернётся к нему бумерангом, заставляя задыхаться от глухого раскаяния.

— Боянь... — робко позвал его Сун Ян.

Цзян Боянь медленно поднял на него тяжёлый, потемневший взгляд:

— Если не хочешь, чтобы Корпорации Божественного Пути пришёл конец, сделаешь то, что я скажу. Скоро мой день рождения. Твоя задача — притащить туда Лу Иня.

— Но зачем? — опешил Сун Ян.

— Пусть извинится при всех. Я обещал отцу, — бросил Цзян Боянь.

Ему надоело тратить время на этого слизняка. Схватив куртку, он направился к выходу. Сун Ян засеменил следом. На пороге они нос к носу столкнулись с Лу Инем.

Цзян Боянь застыл как вкопанный, не в силах отвести глаз.

Живой. И, кажется, даже не похудел. Парень сам не заметил, как в груди у него облегчённо отлегло.

На Лу Ине была укороченная кожаная куртка кофейного оттенка, пояс которой туго стягивал тонкую талию. Высокий, подтянутый, он шёл уверенным, размашистым шагом. Цзян Боянь буквально пожирал его глазами, но Лу Инь прошёл мимо, даже не повернув головы — словно сквозь пустое место.

Цзян Боянь окончательно выпал из реальности.

Сун Ян позвал его раз, другой, затем осторожно потянул за рукав. Полное равнодушие друга заставило его сердце сжаться от липкого страха. Поняв, что теряет инициативу, он решился на отчаянный шаг. Закатив глаза, Сун Ян картинно покачнулся и накренился прямо на Цзян Бояня.

Но тот среагировал мгновенно и грубо: брезгливо отмахнулся, уворачиваясь от чужого тела. Не ожидавший такого отпора Сун Ян с глухим стуком повалился на пол, растянувшись во весь рост в самой нелепой позе. Краем глаза он заметил, что Лу Инь на секунду притормозил и оглянулся. От стыда у Сун Яна загорелись уши.

— Ты придурок? — напустился на него Цзян Боянь. — На ровном месте ноги подкашиваются?

— Боянь, у меня голова кружится... — простонал Сун Ян, прижимая ладонь ко лбу.

— Кружится — иди к врачу! Я тебе что, скорая помощь?! — отрезал Цзян Боянь. — И вообще, не смей ко мне липнуть. Я не из этих.

Выплюнув это, он без оглядки зашагал прочь, оставив бывшего фаворита сидеть на холодном полу. Он припустил бегом по аллее и нагнал Лу Иня у развилки.

— Лу Инь, стой! Мне надо поговорить.

Он заступил ему дорогу и протянул зажатый в кулаке конверт, согретый теплом его ладони. Под холодным, вопросительным взглядом Лу Иня Цзян Боянь мгновенно залился краской от шеи до самых кончиков ушей. Ему ещё никогда не приходилось так унижаться.

— Вот... — пробормотал он, заикаясь. — У меня скоро день рождения. Это приглашение.

Помятый, влажный от пота конверт выглядел жалко. Лу Инь брезгливо принял его двумя пальцами, даже не думая открывать.

— Ясно, — обронил он.

Глаза Цзян Бояня вспыхнули надеждой:

— Ты придёшь?

— Возможно, — равнодушно отозвался Лу Инь и пошёл дальше.

Цзян Боянь застыл на месте, глупо улыбаясь от нахлынувшего восторга. Но радость была недолгой. Проводив парня взглядом до поворота, он заметил, как тот небрежным жестом выбросил что-то в урну.

Сердце Цзян Бояня пропустило удар. Он бросился вперёд и заглянул в мусорный бак.

Там лежал его дорогой пригласительный билет с изысканным серебряным тиснением. Лу Инь просто разорвал его пополам. Роскошная бумага сияла на солнце, словно издеваясь над его жалкими иллюзиями.

Цзян Боянь уставился на обрывки, и у него предательски защипало в глазах.

Вскоре после инцидента с приглашением Лу Иня засыпал звонками и сообщениями Сун Хайнин. Тот буквально исходил на говно, требуя, чтобы пасынок немедленно явился на праздник к Цзян Бояню и вымолил у него прощение, иначе и его стартапу, и «Божественному Пути» несдобровать. Лу Инь просто заблокировал его номер.

К четвергу разразилась буря. Местный деловой телеканал выдал в эфир экстренный репортаж, а на следующее утро главная газета Цинхэ вышла с разгромной статьёй на первой полосе: «Цзяньюань и Божественный Путь расходятся? Будущее крупнейшего застройщика под угрозой». На фоне этих слухов акции «Божественного Пути» рухнули до дневного лимита в первые же минуты после открытия биржи.

Паника возникла не на пустом месте. В среду днём инвестиционный департамент холдинга «Цзяньюань» официально объявил о приостановке финансирования совместного флагманского

проекта для «дополнительного аудита». Финансовые империи Цзяньюань и Шэньлу были неразрывно связаны годами взаимовыгодных вливаний, поэтому новость об их возможном разрыве произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Сун Хайнин наконец сломался и вновь «снизошёл» до звонка Лу Иню.

Шёл вечер пятницы. Небо над Цинхэ медленно догорало сочным оранжево-багровым закатом. Лу Инь и Тань Мо как раз собирались выгулять пса.

Огромного добермана по кличке Тираннозавр совсем недавно доставили из Поместья Синего Озера в округ Цинхэ. На удивление, грозный пёс признал Лу Иня с первого взгляда. Он обожал запрыгивать на диван, валить парня на спину и, неистово виляя обрубок хвоста, утыкаться мокрым носом ему в грудь.

Проходивший мимо в домашних шлёпанцах Тань Мо бесцеремонно схватил добермана за ошейник и оттащил в сторону.

Лу Инь со вздохом поднялся на локтях. Футболка его перекосилась, а чувствительная кожа у ключиц, куда только что тыкался этот шерстяной паршивец, порозовела. Заметив этот след, Тань Мо ощутил глухой укол ревности.

— Больно много чести для этой псины, — буркнул он.

Лу Инь присел на край дивана и поманил добермана пальцем. Когда послушный Тираннозавр вложил тяжёлую лапу в его ладонь, на губах юноши расцвела редкая, по-детски чистая улыбка. Он ласково потрепал пса за загривок, заставив звякнуть маленький бубенчик, который тот носил с щенячества. Тонкий звон эхом отозвался в душе Лу Иня тёплой, щекочущей радостью.

— Пройдёмся? — предложил Тань Мо.

Они пристегнули поводок, надели на добермана намордник и вышли на улицу. Окраину жилого комплекса огibal просторный экопарк. Стоило им дойти до первых деревьев, как идиллию бесцеремонно нарушил звонок от Сун Хайнина.

Всё та же старая песня.

Лу Инь владел солидным пакетом акций «Божественного Пути», и обвал котировок напрямую бил по его собственным счетам. Сун Хайнин рассчитывал, что страх потерять миллионы сделает пасынка сговорчивее, но недооценил его упрямство.

Прежний спесивый тон отчима сменился заискивающим лепетом. Он умолял Лу Иня пойти на компромисс с семейством Цзян. Многолетнее прозябание в роли прихвостня лишило Сун Хайнина последних остатков хребта; один лишь намёк на гнев Цзян Шаофэна лишил его сна.

Он безумно боялся остаться у разбитого корыта.

Лу Инь лишь презрительно усмехнулся в трубку.

Тань Мо тихонько хмыкнул рядом. Доберман, неумоимо круживший у их ног, преданно заглянул Лу Иню в лицо и выдал сочный, раскатистый лай прямо в микрофон.

На том конце провода воцарилось гробовое молчание.

— Рядом с тобой мужчина? — подозрительно спросил Сун Хайнин.

Лу Инь покосился на Тань Мо. Тот стоял в расслабленной позе, намотав поводок на запястье, и лениво дразнил пса сухим листом. Поймав взгляд друга, Тань Мо заговорщически подмигнул ему.

— Да, — ответил Лу Инь.

— Всё тот же приبلудный щегол? Из какой он семьи? — попытался выведать отчим.

Терпение Лу Иня окончательно лопнуло.

— Сун Хайнин, угадай, чем я сейчас занят?

— Что?

— Я сейчас с ним целуюсь, — с ледяным удовольствием произнёс Лу Инь. — Хочешь послушать в прямом эфире?

— Да как ты... дрянь такая! — задохнулся от ярости Сун Хайнин.

— Больше мне не звони, — отрезал Лу Инь и нажал на отбой.

Мир вокруг мгновенно избавился от лишнего шума. Тираннозавр тихонько заскулил, подталкивая Лу Иня носом в колено; бубенчик на его шее заливисто зазвенел. Парень перевёл дух и посмотрел на Тань Мо.

Тот подошёл ближе, на его губах играла лукавая ухмылка.

— Значит, мы целуемся прямо в парке?

В лучах заходящего солнца его лицо казалось дьявольски притягательным. Лу Инь на мгновение потерял дар речи, но быстро справился с собой и молча потянул за поводок, увлекая добермана за собой.

Однако Тань Мо и не думал отставать. Он нагнал его в два широких шага, заглядывая в глаза с самым невинным видом:

— Ну так что, действительно целуемся?

Лу Инь, которому изрядно надоела эта болтовня, остановился. Он прижал два пальца к собственным губам, замер на мгновение, а затем мягко перенёс их на губы Тань Мо.

— Так сойдёт за поцелуй? — спросил он с невозмутимым видом.

Волна жара мгновенно прошла тело Тань Мо. Он весь подобрался, напрягшись как струна под его пристальным взглядом. Лишь спустя долгие секунды он медленно выдохнул:

— Сойдёт.

Заметив, что Лу Инь с собакой уже ушли вперёд, Тань Мо поспешил следом.

— Кстати, у нас ведь тоже скоро день рождения.

Какая ирония: праздник Цзян Бояня был всего на день раньше их собственного.

— Да, — кивнул Лу Инь.

— В следующий четверг. Дедушка не любит шумихи, так что уложимся в скромный семейный ужин. Мы ведь договорились: празднуем вместе. Чур, без фокусов в последний момент.

Лу Инь невольно замедлил шаг.

После того как ему исполнилось десять, этот день перестал для него существовать. Однако в прошлой жизни, воссоединившись с Тань Мо, он вновь узнал, что такое предвкушение праздника — Тань Мо обожал устраивать сюрпризы. То, что они появились на свет в один день с разницей в какие-то секунды, казалось настоящим чудом, редким благословением судьбы.

Уже после гибели Тань Мо, в те долгие, пустые годы, его мать Шэнь Чжаньин продолжала передавать Лу Иню подарки, которые её сын успел приготовить заранее. Дорогие часы, перьевые ручки, документы на недвижимость... И среди всего этого великолепного изобилия — колючий чёрный шарф грубой вязки с торчащими нитками.

Шэнь Чжаньин рассказывала об этом со слезами и улыбкой: Тань Мо связал его сам.

Это была самая обычная вещь, выполненная простейшей платочной вязкой, без каких-либо узоров, глубокого угольно-чёрного цвета — любимого оттенка Тань Мо. С точки зрения качества подарок не выдерживал никакой критики.

Но для Лу Инь он стал величайшим сокровищем на земле.

Святыней, к которой он запрещал прикасаться кому бы то ни было.

— Лу Инь, — голос Тань Мо выдернул его из пучины воспоминаний. — Ты опять витаешь в облаках. Осторожно, впереди спуск к воде.

Лу Инь резко затормозил и несколько секунд растерянно смотрел на него.

В глазах Тань Мо отразилось недоумение:

— О чём ты задумался?

— О том, какой подарок тебе выбрать, — тихо произнёс Лу Инь.

На самом деле выбор был давно сделан — он планировал купить для Тань Мо мощный спортивный мотоцикл. В прошлой жизни Тань Мо обожал скорость и время от времени устраивал заезды на профессиональных треках. В этой его необузданной страсти всегда было что-то невероятно притягательное.

Тань Мо тепло улыбнулся:

— Я буду рад любому твоему подарку.

— И всё же у меня есть одно заветное желание, — неожиданно произнёс Лу Инь. — Я хочу, чтобы ты кое-что связал для меня. Чёрный шарф. Своими руками.

Тань Мо решил, что ослышался, но Лу Инь терпеливо повторил свою просьбу. На его ухоженных, с тонкими длинными пальцами руках никогда не было мозолей — любящие родственники оберегали его от любой тяжёлой работы, а тут его просили взяться за спицы.

— Не хочешь? — тихо спросил Лу Инь.

Когда он говорил этим мягким, обезоруживающим тоном, Тань Мо готов был достать ему звезду с неба. Возразить было решительно невозможно.

— Конечно, свяжу, без проблем, — пообещал он.

В последующие дни Лу Инь занимался оформлением покупки. Он выбрал для Тань Мо шикарный чёрный мотоцикл. Это была редчайшая коллекционная модель, выпущенная ограниченным тиражом — настоящий эксклюзив стоимостью более десяти миллионов юаней. Дилеры пообещали доставить байк спецрейсом из-за границы в кратчайшие сроки.

Менеджер позвонил согласовать детали доставки во время перерыва между лекциями. Лу Инь вышел поговорить в коридор, где царил обычный студенческий гвалт, и не заметил, как со стороны лестницы показалась шумная компания во главе с Цзян Боянем.

Тот оказался здесь случайно. После оглушительной пощёчины, когда его приглашение безжалостно спустили в урну, Цзян Боянь в сотый раз поклялся держаться от этого парня подальше и не строить из себя дурака.

Но стоило ему завидеть Лу Иня, как все клятвы испарились. Его взгляд намертво прикипел к знакомой фигуре.

Цзян Боянь невольно замедлил шаг и прислушался, вычленив из общего шума низкий, спокойный голос Лу Иня. Тот негромко произнёс в трубку:

— Это подарок на день рождения. Пожалуйста, проконтролируйте доставку, это очень важно.

Подарок на день рождения?

У Цзян Бояня в ушах мгновенно зашумело.

— Тихо вы, — шикнул он на своих приятелей, предостерегающе подняв руку.

К его глубокому сожалению, Лу Инь закончил разговор раньше, чем удалось подслушать подробности. Парень убрал телефон, развернулся и нос к носу столкнулся с Цзян Боянем.

На лице Цзян Бояня блуждала глуповатая, победоносная улыбка, которую он даже не пытался скрыть. Лу Инь счёл это очередным приступом безумия и молча направился к двери аудитории. Удивительно, но на этот раз Цзян Боянь не стал преграждать ему путь. Напротив, он вежливо вжался в стену, пропуская его вперёд.

Его свита безмолвно наблюдала за этой сценой. Столь покладистое поведение их лидера заставило всех недоумённо переглянуться.

Проводив Лу Иня взглядом, Цзян Боянь наткнулся на немые вопросы своих приятелей. Опомившись, он грубо рявкнул:

— Чего вылупились?

— Брат Цзян, ты в последнее время к Лу Иню как-то... иначе относишься.

Они давно подозревали неладное, но только сейчас решились озвучить это.

Понимая, к чему клонят друзья, Цзян Боянь поспешил пресечь расспросы:

— Просто надоело лаяться с ним при каждой встрече. Я вырос из этих детских обид.

— Ладно, ладно, — примирительно поднял ладони один из них, а затем заговорщически подмигнул. — Слушай, а тот люксовый подарок, о котором Лу Инь только что говорил... Это ведь для тебя, верно? Тот самый гоночный байк!

Цзян Боянь самодовольно вскинул подбородок:

— А для кого же ещё?

Поскольку от Сун Яна по-прежнему не было новостей о согласии Лу Иня прийти на банкет, он заставил отца усилить давление на «Божественный Путь». И вот, пожалуйста — упрямый Лу Инь пошёл на попятную и даже тайно выбирает ему роскошный подарок. И пусть в этом решении была доля принуждения, Цзян Бояню было плевать.

Главное — Лу Инь сдался. Скоро он лично прибежит на его праздник, и тогда он уж точно не выпустит его из рук.

— Надо же, как тщательно он готовился! — завистливо протянул приятель. — Выбрал именно ту модель спортбайка, о которой ты грезил. Похожая ласточка сейчас стоит целое состояние, миллионов десять, не меньше. Вот это он раскошелился ради тебя!

Эти слова прозвучали для Цзян Бояня слаще любой музыки. На душе стало так тепло и легко, что он, сунув руки в карманы, буквально полетел по коридору, едва касаясь ногами пола. Собственная значимость раздувала его эго, словно воздушный шар.

«Всё-таки я ему не безразличен», — с торжеством подумал он.

Надо будет подготовить для Лу Иня ответный роскошный подарок к его визиту.

Лу Инь даже не догадывался, какую фантастическую картину нарисовало себе воображение Цзян Бояня после того случайного звонка. Все последующие дни он был полностью погружён в подготовку к сессии и дела своей компании. Накануне праздника новенький байк наконец

доставили и заперли в гараже загородной виллы. Лу Инь, следуя шутливому совету менеджера автосалона, придумал невинный предлог и попросил Тань Мо принести из припаркованного внизу автомобиля якобы забытую папку с документами.

Тань Мо ушёл и, как и ожидалось, пропал на добрые полчаса.

Когда Лу Инь спустился проверить, в чём дело, он застал потрясающую картину. Тань Мо уже сидел верхом на матово-чёрном монстре, увлечённо проверяя мягкость хода тормозных рычагов. Тёмная чёлка падала на глаза, скрывая лицо, но весь его облик буквально светился неподдельным восторгом.

Действительно, ни один мужчина не способен устоять перед мощью первоклассного тяжёлого байка.

По счастливому совпадению, Тань Мо сегодня был одет в чёрно-белую кожаную куртку спортивного кроя, а его высокие мотоботы уверенно упирались в бетонный пол. Этот brutальный образ идеально гармонировал с хищным силуэтом затаившейся в полумраке машины. Выглядело это чертовски круто.

Услышав шаги, Тань Мо вскинул голову. На его мизинце покачивался брелок с ключами от зажигания. Заметив Лу Иня, он широко улыбнулся и поманил его к себе.

— Это мне? — лукаво спросил он, когда тот подошёл вплотную.

— Нравится? — вместо ответа спросил Лу Инь.

Тань Мо не стал отвечать словами. Вместо этого он резко подался вперёд, перехватил Лу Иня за талию и собственническим жестом притянул к себе.

Лу Инь даже охнуть не успел, как оказался зажат в крепких тисках чужих объятий. Уткнувшись подбородком в широкое плечо Тань Мо, он уловил знакомый, едва уловимый аромат дорогого кожаного парфюма с древесными нотками.

— Отпусти меня, — негромко попросил он.

— Обязательно отпущу, — пообещал Тань Мо, но вместо этого сжал объятия ещё крепче. — Лу Инь... Откуда ты узнал, что я мечтал именно о нём? — жарко прошептал он ему прямо в ухо.

Его горячее дыхание коснулось мочки уха, заставив Лу Иня невольно вздрогнуть от пробежавшей по спине щекочущей волны. У Тань Мо всегда была повышенная температура тела; этот тесный контакт быстро согрел озябшие на осеннем сквозняке пальцы Лу Иня.

Объятия в холодные ненастные дни — это нечто... особенное. Чувство, которое трудно облечь в слова.

Но оно определённо не вызывало неприязни.

Лу Иня давно никто не обнимал так крепко и простодушно. С непривычки он ощутил лёгкую неловкость, но уютное тепло, исходившее от Тань Мо, заставило его расслабиться.

В этой хрупкой тишине, нарушаемой лишь глухим, частым стуком двух сердец, Лу Инь отстранился и взглянул другу в лицо. Тань Мо смотрел на него сверху вниз из-под пушистых ресниц. Его густые брови изогнулись, а на губах заиграла дерзкая, мальчишеская улыбка:

— Гэгэ, я просто в диком восторге.

Тань Мо никогда не относился к Лу Иню как к старшему брату. Разница в их рождении исчислялась какими-то секундами, и ещё неизвестно, кто из них появился на свет раньше. Но ему безумно нравилось порой дразнить его этим обращением.

Будь у Тань Мо чуть больше опыта в делах сердечных, он бы быстро сообразил, что подобные вольности на профессиональном языке любовных утех называются самым настоящим, беззастенчивым флиртом.

И этой наукой он владел с рождения.

<http://bllate.org/book/20470/2189227>